

Люди без права иметь права

Алексей Бородин и Том Стоппард размышляют,
как меньшинство становится мишенью

**Постепенно, но стремительно на сцене
начинает кружиться жизнь: кто-то
раскладывает фотографии в семейном
альбоме, кто-то шутит, кто-то выпивает
и разглагольствует, все иронизируют
над собой и другими, наряжают елку,
бегают дети, стоят коробки с игрушками.
Сочельник на пороге XX в. Большая
еврейская семья. Дом в Леопольдштадте –
районе, где живут только евреи,
цветущее гетто посреди высокомерной
блистательной Вены. Спектакль по пьесе
Тома Стоппарда «Леопольдштадт» в
постановке Алексея Бородина на сцене
РАМТа разворачивается в спокойной
как бы не театральной интонации:
люди существуют, просто существуют и
радуются существованию. Картины их
повседневности напоминают старинные
цветные почтовые открытки.**

В семье трое мужчин: Герман – фабрикант, Людвиг – математик, Эрнст – врач. С женами, сестрами и детьми они образуют клан из нескольких поколений, во главе которого Эмилия, властная и мудрая, мать и бабушка. Все пока благополучно, кроме болезненной темы измены корням.

Еврейство как род и общность уже разбавлено (старший сын принял христианство, женился на католичке, сестра мужа дочери вышла за лютеранина), но остается стержнем разговоров – отличие, печать, клеймо и гордость. Рефлексия по поводу национальности так или иначе мучает и бережит героев, всех затрагивают проблемы ассимиляции, текущая политика и разгорающийся в Вене антисемитизм. Но дом полон детей, а значит, игры и надежд.

«Кто должен облизать ложку от варенья?!» – спрашивает Эмилия. Отвечает: «Ну, раз никто из вас так и не сказал: “Бабушка, ты, конечно!”»¹ – на изумленных глазах внуков облизывает ложку сама.

«Еврей может быть великим композитором, но он не может быть евреем!» – взрослые спорят, а дети неотрывно смотрят на пальцы Людвига, который показывает, как из ниток сделать «колыбель для кошки»². Кто-то из родоначальников семьи прошел пешком из Киева до Львова, надо непременно после Рождества отпраздновать седер; для колыбели нужны другие узлы... Ханна играет на фортепиано, один из мальчиков под общий смех водружает на рождественскую елку сверкающую звезду Давида.

...Празднуют седер, и никакие вибрации тревоги еще не висят над нарядным столом, где пьют четыре чаши вина в память еврейского рабства и мук в Египте.

Над сценографией спектакля начинал работать самый тихий и скромный из гениев российского театрального цеха Станислав Бенедиктов. Он успел лишь наметить замысел, оставить несколько эскизов. Работу довели товарищи, Виктор Архипов и Лилия Баишева. На сцене много предметов с тонкими, хрупкими планками – стулья, ширмы, конторка, клетка лифта; присутствие вещей ненавязчиво, они лишь обрамляют людей и ситуации. Главное здесь два круга – сцены и люстры над нею, вращающихся в разных направлениях и разных ритмах.

Круг сцены множество раз символизировал бег времени, его сменяемость, но здесь круг и есть решение: пространство замкнутой предначертанности, невозможность выйти в другие измерения и порядки. Светом, характером освещения авторы спектакля сообщают нам, как окрашены в воображении героев разные времена: теплым и

«Леопольдштадт». РАМТ. Сцена из спектакля. Фото С. Петрова

безмятежным в начале, колючим и тревожным в середине, белым и беспощадным в финале.

Годы летят и кружат семью, все исподволь меняется, а взрослые, успокаивая себя, твердят: образуется! Герои не верят в чудовищность перемен, отстраняют мысль, что зло войдет прямо к ним в дом. До тех самых пор, пока оно не входит: в черной шляпе, гражданском пальто со списком всех обитателей дома в руках. 1938 год. Аншлюс, к власти пришли нацисты, евреев грабят и выбрасывают на улицу.

Здесь актеры ничего не разыгрывают: Лариса Гребенщикова, Виктория Тиханская, Дарья Семенова, Александр Гришин, Александр Доронин, Максим Керин, Даниил Шперлинг, собственно, все, занятые в спектакле, создают его многоголосье, целый оркестр актерских партий. Но главный – Герман Евгения Редько, человек, которым Стоппард исследует происходящее.

В начале спектакля он – центр семьи, успешный фабрикант, ассимилированный в австрийскую элиту. Сын еврея, у которого была швальня, намерен стать членом жокейского клуба аристократов, портрет жены пишет модный Климт, сын унаследует процветающее дело, в доме звучит музыка Штрауса. Герман в упоении от своих достижений, не желает сознавать настоящего места под венским солнцем; в собственных глазах он – «австрийский гражданин, патриот, филантроп, уважаемый член

«Леопольдштадт». РАМТ. Сцена из спектакля. Фото С. Петрова

общества»; и, хотя принял крещение, мечтает, чтобы им гордились еврейские предки. Те самые дед и отец, что «так хотели, чтобы он поднялся как можно выше».

Но вот Герман собирается вызвать на дуэль офицера, якобы оскорбившего его жену. И узнает: австрийским офицерам полковым кодексом запрещено драться на дуэли с евреями, поскольку они «не имеют чести, им нельзя нанести оскорбление». Полный шарма, уверенный венский богач на глазах теряет лоск, оседает как старый сугроб в обморочном унижении жителя местечка. Он проживет еще много лет, но именно в этой сцене – перелом судьбы.

Е. Редько уверенно проводит героя через разные состояния: Герман шутит про свое крещение (гешефт!), демонстрирует, как из поражения в правах извлечь пользу (доказав, что его сын вовсе не еврей, а значит конфискация фабрики не имеет силы закона). И подводит итоги, бросившись в пролет собственного дома.

Мать семейства ироничная Эмилия, не старуха, элегантная дама в возрасте (Лариса Гребенщикова), роняет в диалоге об одном из внуков: «Бедный ребенок, его крестили сразу после обрезания», терпеливо объясняет детям, зачем веточку петрушки окунать в чашу с соленой водой, и что такое «горькие травы» в религии пращуров. Сидя во главе стола, она ведет ритуал седера торжественно, с искрами смеха: жизнь

«Леопольдштадт». РАМТ. Сцена из спектакля. Фото С. Петрова

опровергает старые ритуалы и создает новые, но седед есть седед, и все в нем должно оставаться неизменным. Память о рабстве в Египте вошла в гены предков и так же должна войти в потомков. Эмилия – последняя, кто держит ствол семейного древа, помнит его корни и надеется на побег. И кидуш, молитву, читает не торопясь, нараспев: «Владыка вселенной, отделивший святое от буднего. Израиль от народов отделил Ты и освятил народ Свой Израиль святостью Твоею. Благословен Ты, Господь, отделивший святое от не святого. Благословен Ты, Господь Бог наш, Владыка вселенной, Который сохранил нам жизнь и существование и довел нас до сей поры». Эта молитва отзывается позже и в развитии сюжета, и в скрытой семантике текста Стоппарда.

Эрнст Александра Гришина – плотный, сдержанный, выдавший виды, как всякий врач. В ночи вызванный на роль секунданта (Герман затеял дуэль), выслушивает его бесстрастно: что было сказано на клубном элитном собрании, кто как реагировал и проч. А потом, взяв чемоданчик, уходит. Диагноз не произнесен, но поставлен: чушь! И Герман вынужден отправиться к обидчику сам. Позже Эрнст расскажет о «медицинском» триптихе Климта и поставит еще один диагноз, куда более горький: «Сон как удовлетворение подавленного желания. Рациональное во власти иррационального. Культура не может искоренить варварство».

Е. Редько – Герман. «Леопольдштадт». РАМТ. Фото С. Петрова

Александр Доронин играет своего Людвига как человека, заво-
роженного цифрами, он втянут в их таинственное взаимодействие
больше, чем в реальность: интегралы, гипотеза Римана, пресловутая
«колыбель для кошки» дают ощущение относительности всего и вся, и
потому его реплики звучат отрешенно, словно он участвует в потоке
жизни вокруг лишь частично. Но – Стоппард делает это мастерски –
одна-две вскользь оброненные реплики Эрнста, и вдруг открывается
неожиданный ракурс: тихий академический ученый не прочь пово-
лочиться за чужой женой и мимоходом успокоить свою обещанием
Парижа, путешествий, новых платьев.

Он показывает детям, как устроить «колыбель для кошки» – и среди
мира, полного безмятежности, и среди мира, полного тревог; седой, ис-
худавший, все бредит гипотезой Римана и передаст свою влюбленность
в цифры Натану, племяннику, которого холодная отрешенность циф-
ровой гармонии будет спасать в лагере. Людвиг поставит свой диагноз:
«...мы, как и Бог, знаем, что все это результат нашей игры в “колыбель
для кошки”. Всякое новое состояние вышло из предшествующего ему.
Так что за всем этим стоит порядок. Математический порядок».

Даниил Шперлинг – Фриц, с кем прекрасная Гретль изменяет Ген-
риху и разрушает надежды своей золовки Ханны. Правда, сама сцена
измены пока выглядит несколько формально, иллюстративно: в ней нет

А. Доронин – Людвиг. «Леопольдштадт». РАМТ. Фото С. Петрова

плотской энергии, внезапного притяжения – того, что разрушает брачные обеты и простые приличия, бросая двоих друг к другу. Белокурая стройная красавица Гретль Виктории Тиханской сведет с ума и молодого служаку, и зрелого коммерсанта, но Фриц, самовлюбленный молодой жеребчик, словно олицетворяет все то, что ненавистно героям пьесы в уверенных венцах-австрийцах, антисемитах и гордецах, не ведающих что творят и не прозревающих будущего.

Дети на сцене часто несут некую умиленную ненатуральность; в этом спектакле их много, почти все они – наследники актеров, занятых тут же. Возможно, оттого, что родители рядом, а может быть оттого, что Бородин – умеет, они здесь естественны до безоглядности.

И Паули, задающий бабушке заранее разученный «умный вопрос», и «бедный» Якоб, и маленькая Роза, которой поручена особая миссия – спрятать афикоман, кусок мацы, символизирующий праздник. Она носится по дому, ища подходящее место, наконец, находит. Прячет не куда-нибудь в угол, а делает знаковый выбор: открывает крышку пианино, кладет мацу на клавиши. И прочие, кто, ничего не изображая, просто обитают на сцене.

Том Стоппард, классик современной драматургии, создал пьесу, отчасти отражающую собственную биографию: отца он потерял в раннем

детстве, мать снова вышла замуж и воспитала сына англичанином, вне еврейских корней и представлений.

Пьеса, отмеченная премией *Tony Award*, обманчиво проста: семья, проходящая через времена, в которой сменяются поколения и обстоятельства, но всех и вся подчиняет свинцовая поступь XX в. В каждой сцене обсуждается настоящее и будущее. Каждая ставит вопросы, которые отрефлексированы многократно, но так и остались без ответа.

Стоппард умеет сделать отвлеченные идеи неотъемлемой частью реальной жизни. И при этом тщательно собирает материал для каждой работы: похоже, он внимательно читал исследования по антисемитизму, в частности, Сартра и Ханну Арендт.

Вслед за великим французским экзистенциалистом английский драматург размышляет о том, что такое быть евреем и в чем всемирные корни антисемитизма. А еще он буквально следует за постулатом Сартра, писавшим, что большинство европейских евреев либо хранили верность государствам, которые их презирали, либо надеялись пережить грядущие гонения, не покидая дома, и уцелеть.

И – как Ханна Арендт в «Истоках тоталитаризма» – Стоппард пытается художественными средствами найти «какой-то новый закон на земле, который должен быть правомочным для всех»³. Пьеса и спектакль по ней – универсум, который не стоит читать буквально.

Тем более, что один из самых важных, строительных для «Леопольдштадта» образов – «колыбель для кошки». Стоппард делает его сквозным, идущим через времена и коллизии жизни героев.

Да, знаменитый одноименный роман Курта Воннегута написан в 1963-м г., через семь лет после того, как завершены все события пьесы, но тут действуют силы не последовательных, а содержательных связей. «Колыбель для кошки» (соединение живого и неживого объекта) всего лишь игра с веревкой, из которой возникают сложные узоры. Иногда их называют «лестница Иакова». Ее, соединяющую землю и небо, увидел во сне иудейский патриарх; и, кстати, именно ее поместили на обложку первого издания книги Воннегута. Так, Стоппард включает в облако смыслов пьесы и сказанное Воннегутом, и сказанное в Ветхом завете. Кажется, математик Людвиг всего лишь забавляет детей игрой, но в его сценах зашифрованы метафизические ключи к пьесе.

Там, в глубинном пласте значений, звучит: «Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной;

и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные; и вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе. Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!»⁴.

Библейский апокриф протяженным эхом отзывается в судьбах героев «Леопольдштадта». А если вспомнить, что именно так – «лестница Иакова» – называется еще и космический лифт, то полнота использованного Стоппардом символа становится почти избыточной. Тем более, что лифт здесь – центральный элемент сценографии, вертикаль, собирающая все предметы на сцене. Лифт-клетка, ловушка, место гибели. И – путь ввысь.

Алексей Бородин своим особым способом соединяет интеллектуальный театр с человечностью; именно в этом соединении была мощь стоппардовой трилогии «Берег утопии» на сцене РАМТа, в этом же – событие «Леопольдштадта». Спектакль, пока еще не отточенный, едва завершённый (надо было успеть его показать в рамках фестиваля «Черешневый лес»), проступает в памяти подробно и объемно, и это одно из физиологических доказательств его качества.

Истинное искусство режиссуры, мне кажется, заключается в творении мира без швов, мира, из которого не выпирают острые углы самовыражения, комплексы и претензии к реальности. Мира, выстроенного вокруг героев, а не себя. Вот именно такой мир – словно с дома аккуратно сняли крышу и взглядом свыше проникли в его устройство, жизнь разных «комнат» и людей в них – открывается в спектакле. Бородин владеет искусством скромной, естественной созидательности, за свою жизнь он снял «крыши» со множества домов, эпох и устройств человеческой жизни. Снял именно ради нее: его творения всегда заступаются за человека в потоке бытия, видя счастье и ужас этого потока.

На долгом пути в режиссуре Бородин так и не настроился обслуживать – ни власть общих мест, ни власть господствующих представлений, ни власти предрешающие. Он упорно двигается только на голос внутренней правды, служит только своему инстинкту художника и задаче «ежедневного сохранения себя как личности». РАМТ под его руководством – производитель озона, и в сегодняшнем обществе играет особую роль.

Репетиции шли непросто, Бородин долго ждал перевода пьесы, а когда ее получил, пришлось всерьез думать о том, что существенного

И. Юров – Лео, А. Девятьяров – Натан. «Леопольдштадт». РАМТ.
Фото С. Петрова

сказать наступившему времени. Оно вчитало в пьесу «глубокие изменения, сейчас происходящие в русском сюжете»⁵, как писал некогда Виктор Шкловский, и в ткань спектакля вошел внесценический материал драмы дня, оголенный нерв момента. В итоге сценический текст окружен сложной взвесью моральных состояний зала.

Евреи были изгоями тысячелетия. Сегодня тема изгойства вошла в российскую повестку, мир обернулся к нам обвиняющим, презрительным лицом. Семейная сага несет всеобъемлющее режиссерское послание, взламывающее и официальную риторику, и пограничные состояния публики.

«Евреи» здесь – все отличающиеся: чужие, другие, инакомыслящие, опасно талантливые, незаконно преследуемые, изгоняемые, некстати пассионарные, идущие не вместе, вытесняемые на обочину. «Евреи» – меньшинство, становящееся мишенью. Как сегодня не оценить вывод из знаменитой работы Ханны Арендт, подтвержденный не столько правдой искусства, сколько правдой жизни: «Самым важным умением тоталитарных машин будет умение организовать жизнь людей без права иметь права...»⁶.

...Последние трое, оставшиеся от всех Мерцев и Якобовицев, встречаются после окончания Второй мировой в середине пятидесятых, в историческом постскриптуме: Роза (Мария Рыщенко) – успешный

В. Тиханская – Гретль, Д. Шперлинг – Фриц. «Леопольдштадт». РАМТ.
Фото С. Петрова

ню-йоркский психоаналитик, ученица Фрейда, Лео (Иван Юров) вырос в Англии и ничего не знал о своих еврейских родных, и Натан, математик, выживший в лагерях (Александр Девятьяров). Странное трио вбирает все, что осталось от почти исчезнувшей семьи: одна олицетворяет память, второй – неведение, третий – боль.

Треугольник, из которого трудно, может, и невозможно выбраться в нормальное существование.

Порывистый, измученный Натан вносит на сцену отчаяние тупика – поврежденной жизни, антропологической катастрофы, которая стерла будущее. Хотя он все же вернулся в Австрию и трагическим эхом вторя Герману, снова убеждает себя, что он здесь не лишний. «Мы составляли десять процентов Вены и пятьдесят процентов выпускников университета, юристов, врачей, философов, художников, архитекторов, композиторов... на Гауптallee цветут каштаны. Это мой город»...

В начале спектакля Эмилия надписывает карточки для семейного альбома. В финале спектакля у Розы в руках чертеж семейного древа. Он наспех сделан ради Лео, сценического прототипа Стоппарда. Завершены разговоры, свернуты сюжеты. Последняя сцена поднимает спектакль в небеса.

...Снова тот праздничный день, снова сияет елка, звучит музыка, шутят и смеются взрослые, играют и шумят дети.

Лео на краю сцены рассматривает семейное древо и читает обозначенные на нем имена. И Роза, бывшая маленькая девочка, которая на празднике металась с ритуальным куском мацы, говорит, как закончилась жизнь каждого: Верден, самоубийство, Аушвиц, Дахау, Аушвиц, Бухенвальд...

Ужас происходящего не театралный, и зрители в финале плачут не только из-за участи героев; в этом спектакле звучит невидимый колокол, и слышно, по ком он звонит.

- ¹ Здесь и далее пьеса «Леопольдштадт» цитируется по варианту РАМТа – перевод Аркадия Островского.
- ² В России эта игра называется «веревочки» или «ниточки»: нить, надетая на пальцы, образует разные узоры и фигуры.
- ³ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 31.
- ⁴ Книга Бытия, глава 28. Ветхий Завет. Синодальный перевод Библии. Цит. по: <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.28&r>
- ⁵ *Шкловский В.* Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 68.
- ⁶ *Оздобкина Елена.* «Начало свершилось, человек сотворен был...». http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1997_5/Content/Publication6_5249/Default.aspx?ysclid=lml35ti96e508840395 Дата обращения 30.10.2023